

ЗУБЧАТЫЕ ШТАМПЫ УРАЛА И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Ю. Б. Сериков,

*Российский государственный профессионально-педагогический университет,
филиал в г. Нижний Тагил, г. Нижний Тагил, Российская Федерация*

Штампы — довольно редкая группа находок. Но как орудия для нанесения орнамента на керамические сосуды они всегда интересовали и продолжают интересовать археологов. Чаще всего реконструируются технологии нанесения орнамента на сосуды, которые иногда подкрепляются материалами экспериментального моделирования орнамента.

В литературе нет единого мнения о характере использования зубчатых штампов. Нет четких критериев отличия между штампом с отверстием и подвеской с зубчатым краем. Не понятно, с чем связаны находки 50 % штампов на святилищах. Нет достоверных данных и о многократном использовании одного штампа для орнаментирования разных сосудов. Также многие исследователи отмечают, что установить связь штампа с конкретным сосудом практически не удается. Отсутствует и логическое соотношение между сотней зубчатых штампов и десятками тысяч керамических сосудов на археологических памятниках Урала. Остается непонятным преобладание шлифованных каменных штампов, хотя их шлифовка не диктуется производственной необходимостью. Много вопросов вызывает анализ метрических показателей зубчатых штампов: что могли орнаментировать штампы с зубцами шириной 0,4—0,7 см. Оттиски такой ширины на сосудах отсутствуют.

К сожалению, штампы практически не исследовались специалистами-трасологами. Проведенный автором трасологический анализ 26 зубчатых штампов из фондов Нижне-Тагильского музея показал, что в большинстве случаев штампы использовались для обработки кожи, иногда употреблялись в качестве собственно штампов, шпателей, лоцил и даже своеобразных напильников.

Ключевые слова: Урал, неолит, энеолит, бронзовый век, святилище, поселение, гребенчатый штамп, подвеска с зубчатым краем, метрические показатели, трасологический анализ.

Штампы для орнаментирования керамических сосудов не относятся к числу часто встречаемых изделий. Возможно, именно поэтому редки их публикации. Тем не менее, орудия для нанесения орнамента, как и технология изготовления сосудов и их орнаментирования всегда интересовали и продолжают интересовать археологов. Обычно штампы делят на естественные и искусственные. В. В. Сидоров выделяет ископаемые штампы (белемниты, аммониты, членики морских лилий), искусственные зубчатые штампы, шнуровые (в виде навитого на твердую основу шнура), костные (рыбьи позвонки, метаподии, плюсны, челюсти и зубы животных), перьевые, травяные [38, с. 202—206].

Большая часть работ связана с упоминанием штампов в рамках публикации какого-либо исследованного памятника [1, с. 165; 2, с. 104; 23; 3, с. 86; 4, с. 44; 5, с. 36; 6, с. 128, 139; 9, с. 66; 10, с. 19; 19, с. 49; 21, с. 47, 49; 22, с. 12; 24, с. 5—8; 25, с. 79; 26, с. 242—245; 28, с. 13—16; 29, с. 194, 209, 211; 30, с. 119—122; 31, с. 93; 32, с. 110—112; 34, с. 290—293; 35, с. 164—167; 36, с. 298; 37, с. 46, 47, 79, 136, 139; 41, с. 86; 42, с. 50] (рис. 1, 1—8; 2, 1—11; 3, 1—15; 4, 1—14; 5, 1—9).

Также много работ (особенно в последние годы), в которых реконструируются технологии нанесения орнамента на сосуды. Иногда реконструкции подкрепляются материалами экспериментального моделирования орнамента [11—13; 16—18; 20; 26; 33; 38].

На территории Урала известно уже около 100 штампов для орнаментации керамики. Далеко не все штампы опубликованы, особенно из раскопок прошлого века. Подавляющее число уже известных

штампов изготовлено из камня, но имеются штампы керамические и костяные. Большая часть штампов представлена зубчатыми (гребенчатыми) орнаментами. Штампы находят практически на всех типах археологических памятниках: поселениях, стоянках, святилищах и даже в погребениях. В процентном отношении количество штампов на поселенческих и культовых памятниках распределяются поровну — по 50 %.

Особо следует отметить наличие зубчатых штампов в погребениях. На Урале штамп в погребении зафиксирован только на культовой площадке бронзового века Шайтанское озеро II (рис. 2, 8) [12, рис. 4, 1]. Еще два погребения со штампами выявлены на смежных территориях. Одно погребение исследовано в северной части Казахстана на р. Тургай (с. Кумкешу Костанайской обл.). Штамп выполнен из плоского куска опки (рис. 5, 1) [32, с. 110, рис. 1, 16]. Второе погребение со штампом найдено на озере Ясунт у пос. Саранпауль (Тюменская обл.) [5, с. 36, рис. 1, 11]. Штамп изготовлен из плитки сланца небольшого размера (рис. 5, 2).

Количество штампов на памятниках обычно невелико — от одного—двух до пяти. Но известны и исключения. На стоянке Сахтыш II (озеро Сахтыш, Ивановская обл.) найдено 24 зубчатых штампа. Одно из трех их скоплений связано с участком, на котором находились погребения и ритуальные площадки волосовского времени [23, с. 277].

В Западной Сибири недавно исследован памятник, на котором найдено 28 зубчатых (гребенчатых) штампов — поселение Большая Умыгья 100 (Тюменская обл.). Из камня изготовлено 24 штампа,

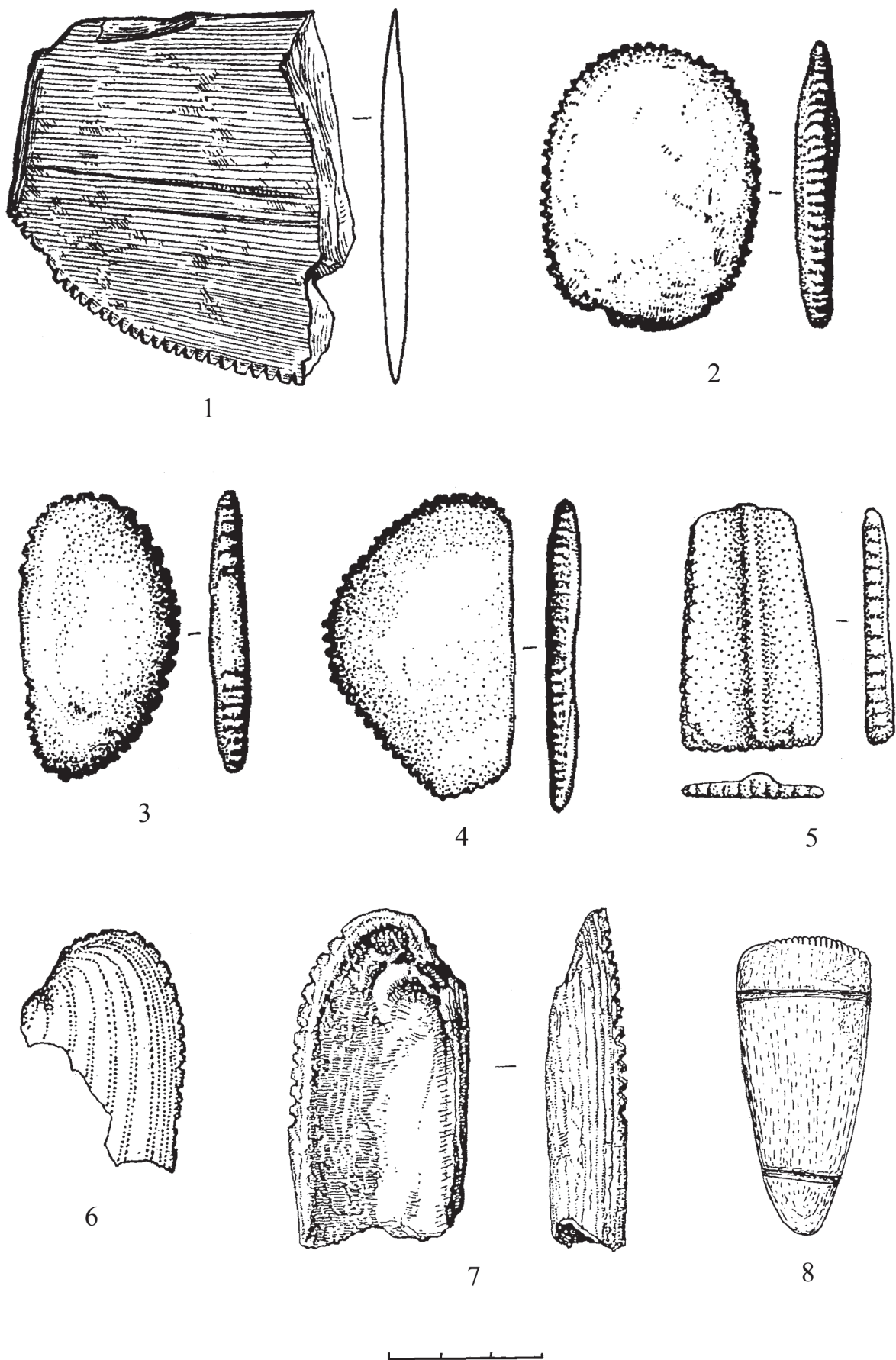

Рис. 1. Зубчатые штампы. 1 — Усть-Айское; 2 — Мурат; 3 — Бельская II; 4 — Карабалыкты IX; 5—7 — Муллино; 8 — Исетское озеро. 1—5 — камень; 6,7 — раковина; 8 — кость

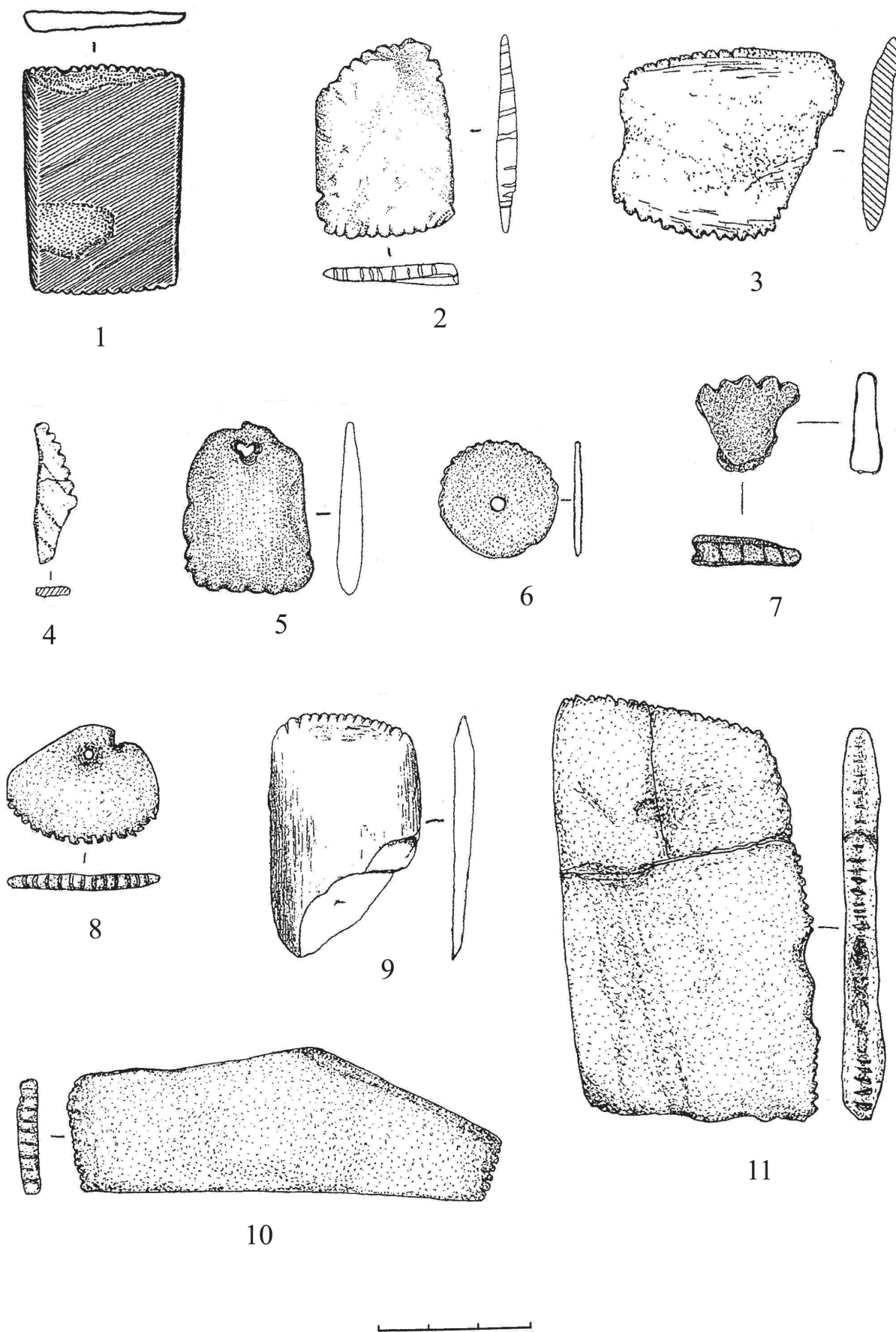

Рис. 2. Зубчатые штампы. 1—7 — Шайтанское озеро I; 8 — Шайтанское озеро II; 9 — Шайтанский шихан; 10, 11 — Горюшки Iэ. 1—6, 9—11 — камень; 7, 8 — глина

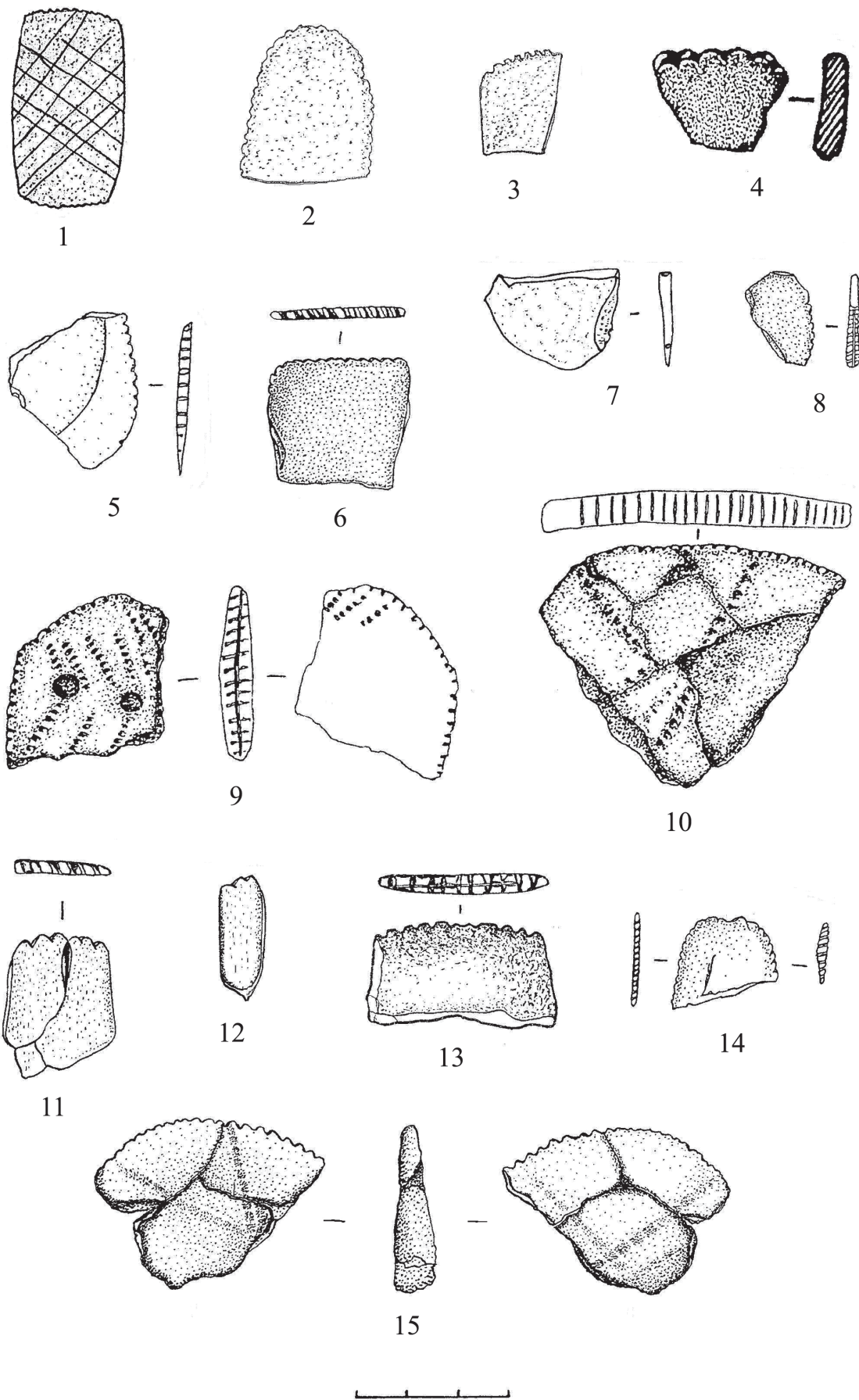

Рис. 3. Зубчатые штампы. 1—4 — I Береговая; 5—8 — III Береговая; 9, 10, 14 — VI Береговая; 11, 12, 15 — Медведка; 13 — Крутяки I. 1—3, 5—8, 11—14 — камень; 4, 9, 10, 15 — глина

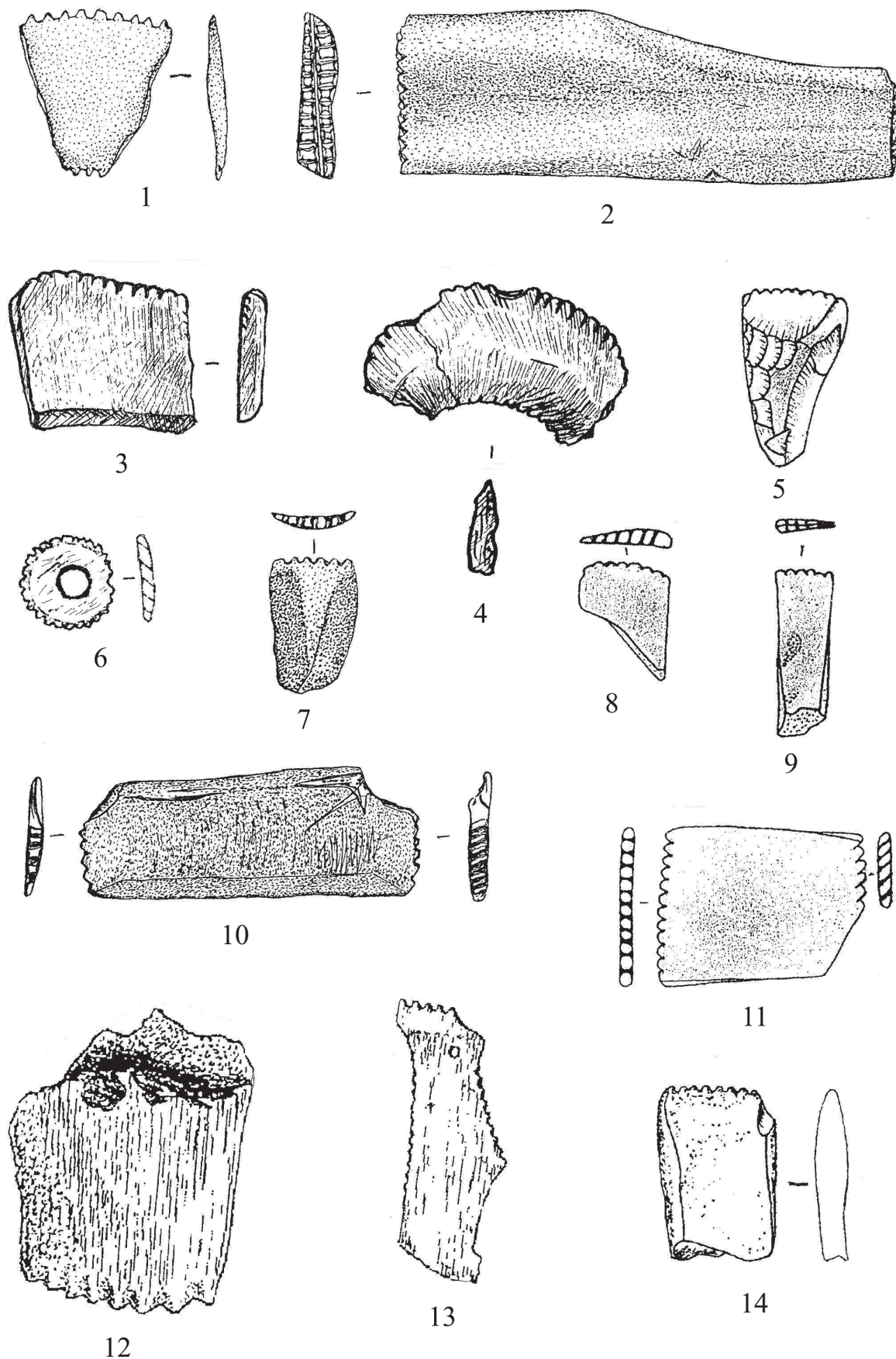

Рис. 4. Зубчатые штампы. 1—4 — Юрьино IV; 5, 7—11 — Усть-Вагильский холм; 6 — грот Бурмантовский; 12, 13 — Туманское I; 14 — Пелым. 1, 4 — глина; 2, 3, 5—11, 14 — камень; 6, 12, 13 — кость

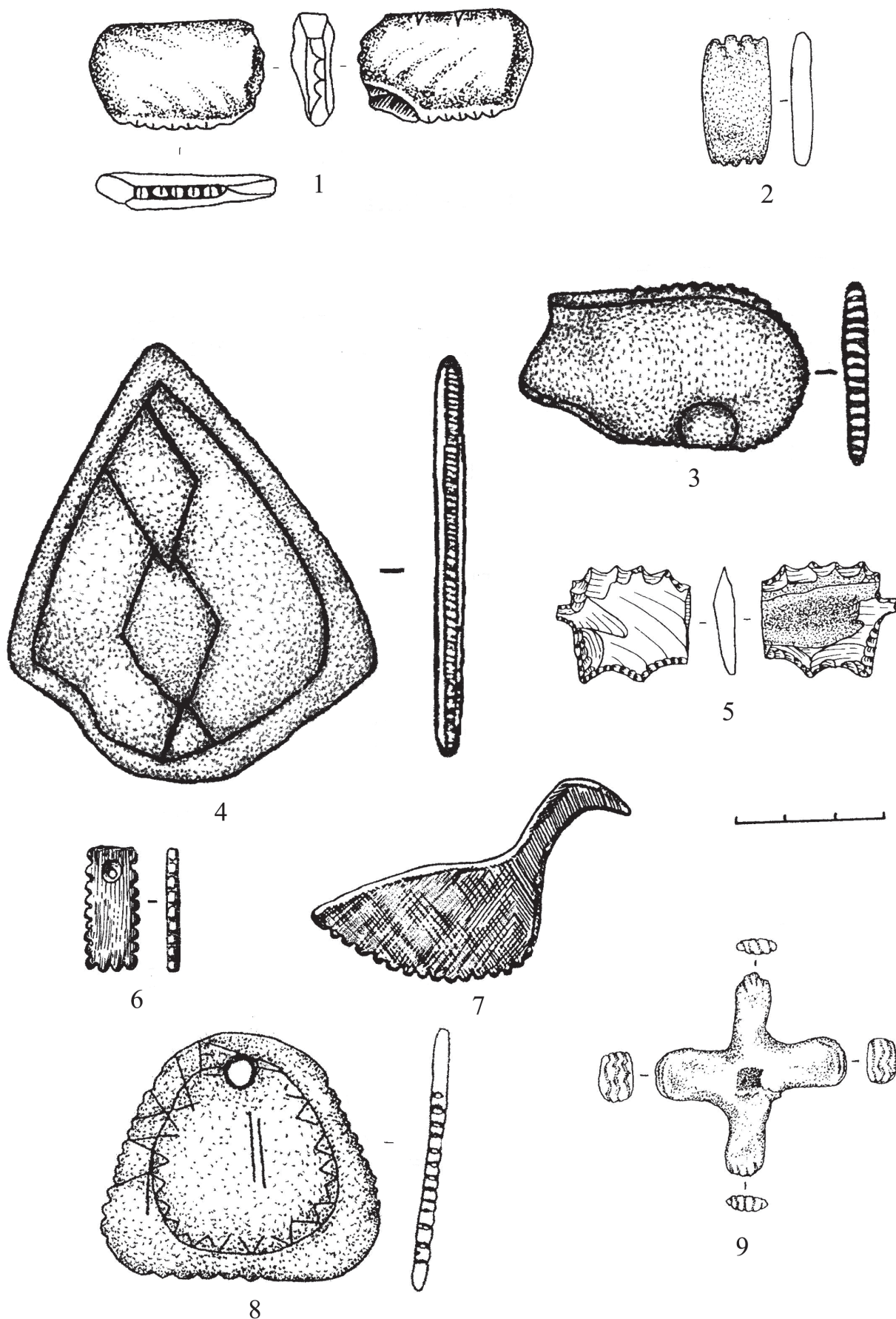

Рис. 5. Зубчатые штампы. 1 — могильник у с. Кумкешу (Казахстан); 2 — погребение на озере Ясунт; 3, 4 — Векса; 5 — Шигирский Исток III; 6 — Маяк II; 7 — Старая Тотьма; 8 — Сай-гатино VI; 9 — Шайтанский шихан.
1—5, 7, 8 — камень; 6 — кость; 9 — глина

из фрагментов керамики — 4. Большая часть штампов залегала в двух сооружениях. Данный комплекс авторы относят к позднему неолиту [20, с. 20—33]. По их мнению, «находки орнаментированных лент и кусочков обожженной глины указывают на то, что керамика производилась, вероятно, непосредственно на территории поселка» [20, с. 33].

В литературе нет единого мнения о характере использования зубчатых штампов. Прежде всего, это относится к штампам с отверстием. Дело в том, что подвески с зубчатым краем были известны уже в верхнем палеолите, когда керамических сосудов еще не было. Они известны в Западной Европе на стоянках Истюриц (Франция), Спи (Бельгия) [8, рис. 2, 2, 6], Чиоарей-Бороштени, Пояна Чирешулуй (Румыния), Косоуцы (Молдова), Дзудзуана (Грузия) [27, рис. 3; 7, 2, 3, 5—7]. А на стоянке Бокштайн-Терле (Германия) найден каменный кружок с зубчиками [8, рис. 2, 7].

Калинина И. В. допускает, что «естественные орнаменты в генезисе восходят к известным с палеолита подвескам-оберегам» [15, с. 265]. Сидоров В. В. не видит никакой связи между подвесками и штампами. Он указывает, что «первые льяловские подвески-штампы имеют сверлину по центру», а на обычных галечных подвесках этого же времени отверстие располагается в конце овала. Но в волосоской культуре такая связь присутствует [38, с. 202].

Е. Л. Костылева с соавторами, описывая штампы сахтышских стоянок, зубчатые изделия с отверстиями посередине относит к штампам [23, № по каталогу 11, 54, 57]. Также к штампам причислены зубчатые изделия с отверстием на конце овала [23, № 35, 53], которые можно отнести и к подвескам. Но уже в следующей статье этих же авторов и в этом же сборнике высказываются сомнения об использовании в качестве штампа костяного зубчатого изделия, указанного в каталоге под № 18. Допускается, что он мог использоваться для орнаментирования, но не сосудов, а для чего-то другого [16, с. 305].

Также из числа штампов без объяснения причин исключаются узкие и тонкие костяные изделия подтреугольной формы с зубчиками, которые уже называют не штампами, а подвесками [16, с. 305; рис. 14, 1, 2].

На Урале и в Западной Сибири в энеолитических комплексах, и прежде всего, в погребениях зафиксировано преобладание небольших овальных подвесок из пиррофиллитового сланца темно-красного цвета (шифера). В некоторых случаях подвески имеют нарезанные по периметру зубцы. На Шайтанском озере I найдено 3 подвески с зубчатым краем (из 44). Погребение на Аятском озере содержало 30 подвесок с зубцами (из 52). В энеолитическом погребении у подошвы Усть-Вагильского холма находилось 20 подвесок с зубчатым краем. В двух энеолитических могильниках на Андреевском озере найдено 455 подвесок из сланцев темно-красного цвета (2 с зубчатым краем). Небольшие серии или единичные подвески из шифера известны и на других энеолитических памятниках: в могильнике Старые Покачи 5.1 на р. Юган (3 экз., 1 с зубчиками), могильнике на р. Большой Салым (1 экз.),

III Береговая стоянка Горбуновского торфяника (6 экз., 1 с зубчиками).

Использование в погребальных и культовых комплексах подвесок темно-красного цвета, несомненно, имело ярко выраженную ритуальную направленность. Но тогда какое назначение имели зубчатые штампы, также изготовленные из темно-красного шифера? Такие штампы известны в культовом энеолитическом центре Шайтанское озеро I (3 экз.), на скальном святилище Шайтанский шихан (1 экз.), III Береговой стоянке Горбуновского торфяника (2 экз.) и на Андреевском озере (1 экз.). Интересно отметить находку зубчатого штампа из темно-красного сланца за многие сотни километров от Урала на Сахтышском озере (Сахтыш VIII) [23, № 54].

Опыты, проведенные Н. Ю. Петровой, показывают, что подвесками можно наносить орнамент на сосуды. Но наносился ли? Тем более, что она отмечает, что штампы на поселении есть, но их отпечатки на сосудах отсутствуют [33, с. 51—56]. К тому же трудно представить, чтобы в могилу положили 20 (Усть-Вагильский холм) и 33 (Аятское озеро) штампа. Тем более, что их распределение в погребениях ясно показывает, что они были нашиты на одежду и являлись украшениями. Непоследовательность археологов при определении штампов и подвесок хорошо иллюстрируется одним примером. Если изделие с зубчиками изготовлено из янтаря, то это всегда подвеска, нашивка или пуговица. Точно такое же изделие, но из камня, часто относят к штампам.

К сожалению, не привлек внимания штамп с многослойного поселения Векса (р. Вологда, Вологодская обл.), оформленный в виде скульптурного изображения ежа (рис. 5, 3) [30, с. 121, рис. 1, 3]. Аналогично данному скульптурному штампу Н. Г. Недомолкина видит в скульптурке уточки из Старой Тотьмы, нижняя часть которой украшена мелкими зубчиками (рис. 5, 7). Е. Л. Костылева также считает эту скульптуру штампом и добавляет к ней еще два «скульптурных» штампа из костей животных [24, с. 5—8]. Необходимо отметить, что кроме Старой Тотьмы скульптуры в виде птиц и рыб, украшенные зубчиками, известны на целом ряде памятников (Асавец 7, Сахтыш I, Сертея 2, Нижнее Веретье). Некоторые скульптуры имеют отверстие для подвешивания, у некоторых его нет. Но всегда эти скульптуры с зубчиками относят к украшениям — подвескам и нашивкам (рис. 5, 5).

Украшение зубчатых штампов орнаментом производилось очень редко. На Урале орнаментированные штампы происходят с I Береговой стоянки (косая сетка), Шайтанского озера I и III Береговой (параллельные линии). За пределами Урала известен штамп с Вексы, украшенный прочерченными ромбами. Судя по незавершенности ромбов, штамп был изготовлен из расколотой орнаментированной плитки (рис. 5, 4) [30, с. 119—120, рис. 1, 1]. Т. е. специальному орнаментированию штамп не подвергался. В Западной Сибири с культового памятника поздней бронзы Сайгатино происходит оригинальный штамп-подвеска. Изготовлен он из отшлифованной плитки, имеет форму равнобедренного треугольника

со скругленными углами размером 5,6×5,0 см. По всем краям, за исключением скругленных участков прорезаны сглаженные зубчики. Одна из поверхностей изделия украшена идущими по кругу уголками, которые в одном месте соприкасаются с более крупными уголками и косым крестом (рис. 5, 8). Авторы относят его к штампам [21, с. 47—49, рис. 2, 7], но у автора другое мнение. Во-первых, он очень крупный, оттиски такой длины редко встречаются на сосудах. Во-вторых, зубцы прорезаны только на прямых участках, тогда как выступающий дугообразный край более удобен для нанесения орнамента. И, в-третьих, выше указывалось, что штампы очень редко украшались орнаментом, тогда как на подвесках орнамент встречается гораздо чаще (Костенки I, Становое 4, Звидзиенаскрогс, Борлы, Шайтанское озеро I, Крутяки I, Муллино, Усть-Куренга, Сарминский Мыс, Сопка 2). Причем, большая часть орнаментированных подвесок встречена на культовых памятниках, в том числе и в погребениях.

Нет достоверных данных и о многократном использовании одного штампа для орнаментирования разных сосудов. И. В. Калинина считает, что к штампам было особое отношение и предполагает передачу их по наследству. Отсюда вытекает, что одним штампом могло быть орнаментировано множество сосудов [16, с. 305]. В. В. Сидоров допускает, что одним штампом орнаментировали только один сосуд. Это связано с тем, что серийного изготовления посуды не было. А сохранять такое простое орудие как штамп не было необходимости. Поскольку каменных зубчатых штампов очень мало, костяных еще меньше, «остается предполагать, что большая часть их были деревянными» [38, с. 204]. Т. М. Захожая считает, что для украшения сосуда использовалось, как правило, не более двух штампов — основной и вспомогательный [13, с. 43—44]. Е. В. Волковой на материалах Волосово-Даниловского могильника зафиксирован единичный случай использования одного и того штампа для нанесения орнамента на разные сосуды [7, с. 138]. Н. Ю. Петрова на основании следов древесины в оттисках на керамике доказывает, что в большинстве случаев гребенчатые и рамчатые штампы изготавливались из дерева. При этом она считает, что один деревянный штамп служил для украшения нескольких сосудов [33, с. 54]. При анализе 28 зубчатых штампов с поселения Большая Умытъя 100 Т. Ю. Клеменьева и А. А. Погодин приходят к выводам, что «один и тот же инструмент мог быть использован при декорировании одного, двух и трех сосудов», а также что «для орнаментации одного сосуда в большинстве случаев использовался один инструмент, реже — два» [20, с. 41].

Многие исследователи фиксируют, что найти сосуд с отпечатками конкретного штампа практически не удастся. Е. Н. Дубовцева отмечает, что «установить связь штампа с конкретными сосудами удастся в единичных случаях. А иногда на поселениях вообще не встречается керамика, украшенная в подобной манере (VI Береговая Горбуновского торфяника, Балакино и др.)» [11, с. 15]. Единственное исключение — поселение Большая Умытъя 100,

где удалось обнаружить в девяти случаях тождество оттисков штампа и оттисков на сосудах [20, с. 39]. Этот факт вызывает большие сомнения, потому что сосуды при обжиге подвергались незначительной усадке. И вследствие этого полного совпадения оттисков быть не может. Автору тоже удалось найти сосуд, украшенный отпечатками найденного здесь же штампа. Но глиняный фигурный штамп с Шайтанского шихана имел четыре лепестка, орнамент на которых был различным (рис. 5, 9) [37, с. 138]. Причем в данном случае было установлено сходство, но не полное тождество. В случае же с гребенчатым штампом задача сильно усложняется, так как малейшее изменение угла наклона орнамента вправо-влево, вперед-назад, а также силы нажатия приводит к различию оттисков. Автор считает, что все случаи тождества штампов и оттисков следует подвергать строгой криминалистической экспертизе.

Наиболее полная работа по зубчатым штампам представлена Е. Н. Дубовцевой. На территории Урала и Западной Сибири в коллекциях неолита, энеолита и бронзы она собрала сведения о 131 штампе [12, с. 7]. На остальных территориях ситуация с количеством штампов ничуть не лучше. Создается парадоксальная ситуация: на тысячи и даже десятки тысяч сосудов приходится всего несколько сотен штампов. На многих памятниках Урала и Западной Сибири количество сосудов исчисляется сотнями и доходит до пятисот и больше. Например, на Шайтанском озере I только с прибрежной части памятника, а это всего 20 % общей площади, происходит 57 940 фрагментов керамики. Количество сосудов превышает тысячу. А штампов найдено всего семь [37, с. 31]. Остается предполагать, что большая часть зубчатых штампов изготавливалась из органических материалов — кости и дерева. На Урале найдено только пять зубчатых штампов из кости. Из дерева штампы полностью отсутствуют. И это несмотря на то, что на Урале известно свыше сорока торфяниковых памятников на Шигирском, Горбуновском, Кокшаровском, Карасьеозерском и др. торфяниках, большая часть которых исследована раскопками [40, с. 66—67].

В принципе изготовить зубчатый штамп из кремня, сланца, кости или фрагмента керамики очень просто и быстро — от одной до нескольких минут. Но в коллекциях преобладают зубчатые штампы из отшлифованных плиток камня. Что для производственных целей абсолютно не обязательно.

Анализ метрических показателей зубчатых штампов уже вызывает ряд вопросов. Могли ли использоваться для орнаментации сосудов штампы с очень мелкими зубцами? (рис. 1, 5, 8; 2, 1, 9, 11; 3, 1, 6, 9; 5, 1, 8). Сомнительно также, что штампы из фрагментов керамики, ширина зубцов у которых доходила до 0,75 см, могли служить орнаментами (рис. 3, 9, 10). Отпечатков зубцов такой ширины на сосудах неизвестно. Отсутствуют на сосудах и отпечатки зубчатых штампов длиной 7—7,5 см (рис. 1, 1; 2, 11). Вряд ли орнаментами являлись «штампы» на обломках дисков, колец, мотыжек и пр. [23, № 4, 27, 46, 61].

Ширина отпечатков гребенчатых штампов на фрагментах энеолитических сосудах Среднего

Зауралья колеблется от 0,1 до 0,32 см. Чаще всего ширина оттисков не превышает 0,25 см. Ширина зубчатого рабочего края у 19 каменных штампов, хранящихся в археологических фондах Нижнетагильского музея-заповедника мало соответствует отпечаткам штампов на сосудах: 0,13 — 0,13 — 0,14 (расслоившийся вдоль) — 0,16 — 0,17 — 0,22 — 0,23 — 0,24 — 0,28 — 0,31 — 0,32 — 0,33 — 0,33 — 0,35 — 0,35 — 0,39 — 0,49 — 0,55 — 0,79 см (рамчатый). Практически все штампы происходят из энеолитических комплексов. Промеры ширины зубцов на штампах по опубликованным рисункам дают интервал от 0,18 до 0,48 см. Еще больше различается толщина зубцов у керамических штампов: 0,29 — 0,31 — 0,38 — 0,44 — 0,53 — 0,65 — 0,75 см. Отсюда возникает вопрос — а что же орнаментировали этими штампами, если на сосудах отпечатки такой ширины отсутствуют?

Совсем недавно выявился еще один аспект в нанесении орнамента зубчатыми штампами. На двух энеолитических памятниках Западной Сибири (Нёх-Урий 3.2 и Кулунигый-5) найдены глиняные абразивы для заточки металлических (медных) ножей, украшенные очень тонким гребенчатым орнаментом. В оттиске длиной 7—8 мм насчитывается до 10 зубцов [39, с. 63—65; рис. 8, 1, 8, 11]. Причем ширина зубцов составляет всего 0,03 см. Здесь же найдены и сосуды небольшого диаметра, орнаментированные очень тонким гребенчатым штампом (зубцы имеют длину менее 1 мм) [39, с. 55]. Такой тонкий орнамент невозможно нанести каменным или костяным штампом. Предполагается, что штамп изготавливался из тонкой медной пластинки. Данные находки позволяют допустить, что в энеолите и другие штампы могли изготавливаться из меди. Это может объяснить малое количество на памятниках каменных и костяных штампов. Отсутствие же в коллекциях находок медных штампов объясняется той же причиной, что и большая редкость медных изделий эпохи энеолита.

Некоторые исследователи штампов отмечают залощенность зубцов штампов, что, по их мнению, является доказательством в орнаментировании сосудов [35, с. 299, 305]. Необходимо отметить, что штампы практически не исследовались специалистами-трасологами. Общепринято считать, что если есть зубцы, то значит это штамп (орнаментир). Единственным исключением являются наблюдения Н. А. Алексащенко, которая обработала под микроскопом костяные и роговые изделия с Туманского I селища. В их числе находились два предмета с зубчатым краем. Она отмечает, что вся поверхность рабочего края заглажена, кромки зубцов заглажены, скруглены и блестят. «На зубчиках виден блеск и линейные следы, но глубина проникновения в материал не более 1 мм». Алексащенко Н. А. считает, что орудия служили «для нанесения орнамента, но не обязательно на глину, возможно, и на бересту, или замшу» [1, с. 165].

Автором изучено под микроскопом 26 зубчатых штампа из фондов Нижнетагильского музея-заповедника: 19 каменных и 7 глиняных. Сразу следует отметить, что практически все штампы сильно загрязнены глиной и пластилином.

Для получения эталонных следов сработанности из отщепа сланца был изготовлен зубчатый штамп со слабовыпуклым рабочим краем. Длина рабочего края 4 см, высота зубцов — до 0,25 см, ширина рабочей кромки от 0,15 до 2,8 см. Изучение штампа под микроскопом (МБС-10) производилось через каждый час работы. Работа по сырой глине была доведена до 3 часов. Этого времени достаточно, чтобы нанести орнамент на 3—5 крупных сосудах. После первого часа работы зубцы в центральной части дугообразного края слегка загладились и закруглились (рис. 6, 1). После третьего часа работы зубцы в центре рабочего края сточились по высоте почти вдвое. Сглаженность и закругленность появилась у всех зубцов. Причем зубцы были скруглены как со стороны пропилов, так и со стороны боковых плоскостей. Залощение и заполированность на зубцах не появились. Также отсутствовали и линейные следы сработанности.

Глиняные штампы (рис. 2, 7; 3, 4, 9, 10, 15; 4, 1, 4) оказались малопригодными для исследования. Их рабочие зубчатые края оказались выкрошенными или сильно испачканы пластилином. У сломанных штампов с Шайтанского (рис. 2, 7) и Юрьинского (рис. 4, 1) озер зубцы сохранились лучше, они имели такую же сглаженность и закругленность, как и на экспериментальном штампе. Неожиданные результаты были получены при изучении крупного штампа из фрагмента стенки сосуда с VI Береговой стоянки Горбуновского торфяника (рис. 3, 10). Ширина зубчатого края у него доходит до 0,75 см. Зубцы сильно заглажены и залощены до стекловидного состояния (рис. 6, 2). Такое залощение можно получить только при работе по мягкому материалу, а не по глине. Концы зубцов уплощены, на уплощенных участках сохранились линейные следы, идущие перпендикулярно продольному ряду зубцов (рис. 6, 3). Штамп долгое время использовался в качестве скребка для вторичной обработки мягкой кожи типа замши.

Несколько каменных штампов также не удалось исследовать из-за сильной загрязненности пластилином. У четырех каменных штампов (рис. 2, 4; 3, 8, 11) присутствует такая же сработанность, как и на экспериментальном орудии. У двух штампов (рис. 3, 6; 4, 3) зубцы сглажены, но только со стороны пропилов, со стороны боковых плоскостей сглаженность отсутствует. По верхней части зубцов прослеживаются линейные следы, параллельные зубчатому ряду (рис. 6, 4). Таким образом, зубцами или что-то заглаживали, или растирали. Следует подчеркнуть, что ширина рабочей части штампов 0,29 и 0,59 см. Рамчатый штамп с Усть-Вагильского холма (рис. 4, 2) имеет сглаженные в сторону боковых плоскостей зубцы. Такая же стертость присутствует еще на двух штампах (рис. 2, 1; 4, 7). В чем причина именно такой сработанности еще предстоит выяснить. Кроме этого у небольшого штампа с Усть-Вагильского холма (рис. 4, 7) правый боковой край сильно заглажен и закруглен, на некоторых участках при сорокакратном увеличении просматриваются линейные следы скребкового характера (рис. 6, 5). У рамчатого штампа с холма (рис. 4, 2) противолежащий зубцам конец долгое время использовался в качестве ложила. А двухконечный штамп

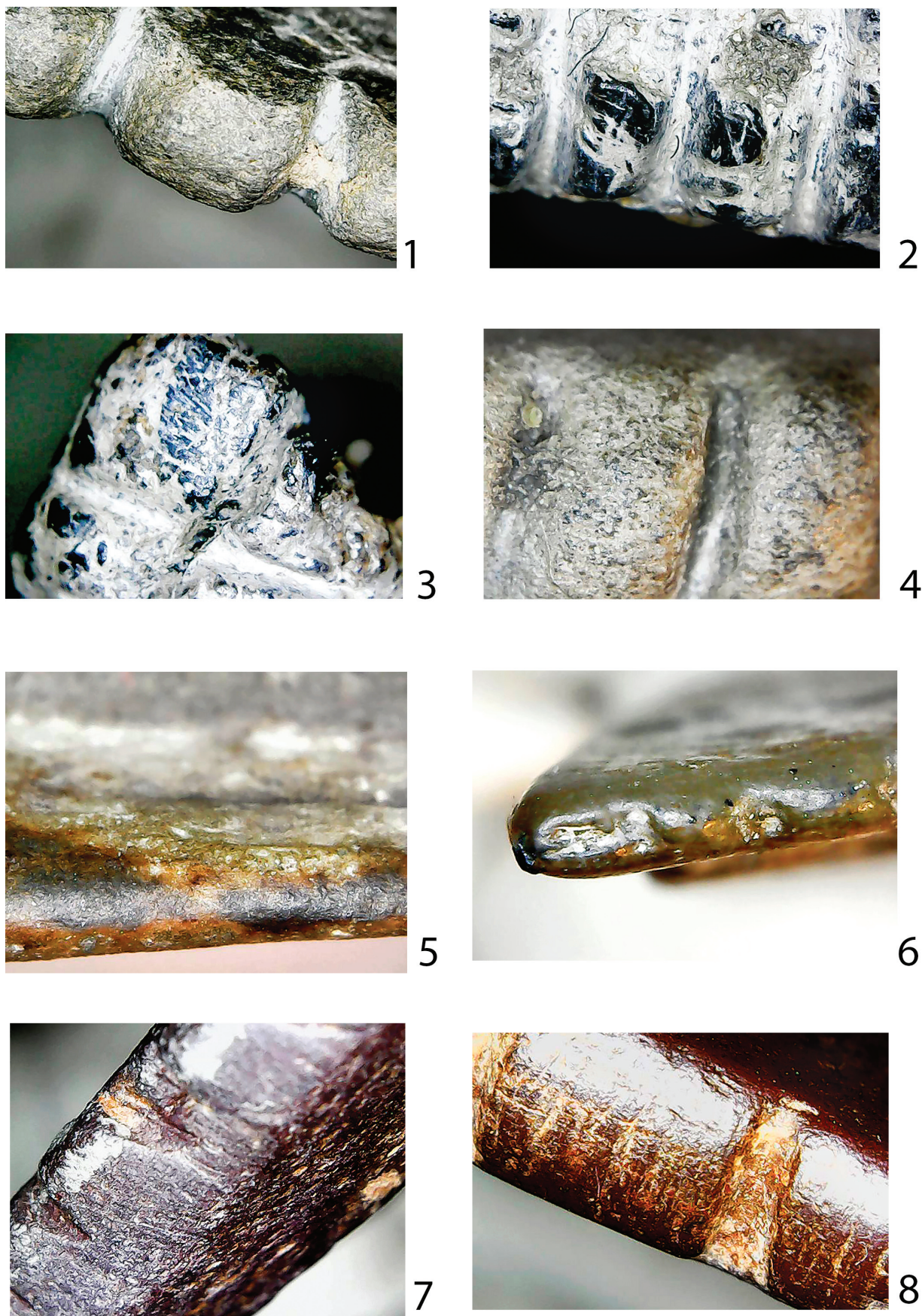

Рис. 6. Микрофотографии рабочих поверхностей зубчатых штампов. 1 — экспериментальный штамп; 2, 3, 6 — VI Береговая стоянка; 4 — Юрьино IV; 5 — Усть-Вагильский холм; 7 — III Береговая стоянка; 8 — Шайтанское озеро I. 1, 4, 5 — сланец; 2, 3 — фрагмент керамики; 6 — благородный тальк; 7, 8 — шифер. Увеличено: $\times 10$

с Шайтанского озера I имеет очень мелкие зубцы, которые не могут дать отчетливый оттиск (рис. 2, 1). Еще один штамп с Усть-Вагильского холма (двухконечный) имеет залощенные зубцы, а также залощенные, сильно сглаженные и закругленные длинные боковые края. На них уже при небольшом увеличении прослеживаются линейные следы скребкового характера. Таким же образом использовались и оба боковых края у штампа из шифера, найденного на Шайтанском Шихане (рис. 2, 9). На штампе из шифера с III Береговой стоянки Горбуновского торфяника пропилено всего 2 зубца (рис. 3, 7). Но весь край сильно заглажен и скруглен в одну сторону. По-видимому, он также использовался в качестве скребка по коже. Необычно использовался еще один штамп из шифера с III Береговой стоянки (рис. 3, 5). С одной стороны зубцы штампа сильно стертые до образования неострой фаски. На стертых участках присутствуют четкие линейные следы, идущие перпендикулярно рабочему ряду зубцов (рис. 6, 7). Аналогичная стертость в виде фаски типична для шпателей из фрагментов керамики, которые в большом количестве (свыше 100 экз.) выявлены на памятниках Шайтанского озера [37, с. 57—58].

Особый интерес представляют 3 штампа. Небольшой (1,8×15 см) штамп с VI Береговой стоянки выполнен из пластинки зеленоватого благородного талька (рис. 3, 14). Зубцы вырезаны по всему периметру за исключением длинной стороны. Вся поверхность штампа залощена. Особенно залощены зубцы — до стекловидного состояния (рис. 6, 6). На некоторых участках при большом увеличении прослеживаются очень тонкие линейные следы скребкового характера. Такое же сплошное залощение поверхности и зубцов имеет штамп из офита с отверстием на верхнем конце (Шайтанское озеро) (рис. 2, 5). Автор относит его к подвескам, поэтому залощение поверхности, скорее всего, произошло из-за соприкосновения с одеждой. Третий штамп также с Шайтанского озера выполнен из красного шифера, имеет три ряда пропиленных зубцов (рис. 2, 2). Зубцы на всех трех рядах залощены до стекловидного состояния. Зубцы на боковой стороне невысокие, широкие и уплощенные. На уплощенных поверхностях уже при небольшом увеличении просматриваются четкие линейные следы скребкового характера (рис. 6, 8). Боковая часть без зубцов сильно заглажена и закруглена.

Необходимо отметить, что следует различать залощение и заполировку. Залощение рабочей части орудия происходит от соприкосновения с мягким материалом чаще всего органического происхождения (кожа, ткань, береста и т. п.). Залощение занимает не только выступающие части рабочего лезвия, но проникает и в вогнутые участки лезвия. Что и наблюдается на большей части зубчатых штампов. Заполировка заглаживает (стирает) только выступающие участки лезвия, тогда как вогнутые участки остаются незатронутыми обработкой. Отсутствие линейных следов сработанности на залощенных до стекловидного состояния участках стало понятно после знакомства с результатами экспериментов Л. В. Зоткиной по обработке нефрита. Применение для обработки поверхности натуральной кожи с со-

четанием жиров показало, что «следы шлифовки, которые до заполировки были видны невооруженным глазом, стали гораздо менее заметны. Поверхность уплощенных участков стала выглядеть сглаженной, практически без линейных следов» [14, с. 28]. Отсюда вытекает, что стекловидное залощение, которое присутствует на целом ряде штампов связано с обработкой мягкой кожи.

Таким образом, изучение зубчатых штампов посредством трасологического анализа дало неожиданные результаты. Оно поставило больше вопросов, чем было получено ответов. Трасологическое и экспериментальное исследование зубчатых штампов необходимо продолжить. И в первую очередь этим должны заняться профессиональные (специально обученные) трасологи. Для получения качественных результатов необходимо прекратить использование археологических штампов для различного рода экспериментов. Это приводит к обесцениванию археологического источника.

Литература и источники

1. Алексащенко, Н. А. Изделия из кости и рога Туманского I селища / Н. А. Алексащенко // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. — Вып. 3. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 1999. — С. 153—166.
2. Алексащенко, Н. А. Низямы VIII — поселение бронзового века в Нижнем Приобье / Н. А. Алексащенко, С. Ф. Кокишаров, В. М. Морозов // Вестник угроведения. — № 3 (30). — 2017. — С. 99—118.
3. Арефьев, В. А. Исследование VI Береговой стоянки на Горбуновском торфянике в 1989—1991 гг. / В. А. Арефьев, О. В. Рыжкова // Древности Горбуновского торфяника. Охранные археологические исследования на Среднем Урале. — Вып. 6. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2010. — С. 76—112.
4. Берс, Е. М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей / Е. М. Берс. — Свердловск : Свердловское кн. изд-во, 1963. — 116 с.
5. Васильев, Е. А. Погребальные комплексы Ясунского озера / Е. А. Васильев // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1996. — С. 36—46.
6. Викторова, В. Д. Туманское I поселение, святилище, костница / В. Д. Викторова // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. — Вып. 3. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 1999. — С. 126—153.
7. Волкова, Е. В. Керамика Волосово-Даниловского могильника фатьяновской культуры как исторический источник / Е. В. Волкова. — Москва : Старый сад, 1998. — 260 с.
8. Демещенко, С. А. Древнейшие подвески и бусы эпохи палеолита / С. А. Демещенко // Археологический сборник — Вып. 37. — Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. — С. 7—25.
9. Денисов, В. П. Хуторская неолитическая стоянка / В. П. Денисов // Труды Камской археологической экспедиции. — Вып. III. — Пермь, 1960. — С. 34—71.
10. Дмитриев, П. А. Раскопки стоянки «Калмацкий Брод» на р. Исети / П. А. Дмитриев. — Свердловск, 1934. — 24 с.
11. Дубовцева, Е. Н. Орнаменты для керамики поселения Быстрый Кульган 66 / Е. Н. Дубовцева // Ученые записки Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Общественные науки. — Нижний Тагил : НТГСПА, 2007. — С. 43—50.

12. Дубовцева, Е. Н. Эволюция орудий для гребенчатой орнаментации керамики Урала и Западной Сибири в неолите и бронзовом веке / Е. Н. Дубовцева // *Археология и история Северо-Западной Сибири*. — Нефтеюганск ; Екатеринбург : Уральский рабочий, 2017. — С. 4—19.
13. Захожая, Т. М. Орнаменты и технология нанесения узоров на посуде поселения Чилимка III / Т. М. Захожая // *Экспериментальная археология: известия лаборатории экспериментальной археологии Тобольского пединститута*. — Вып. 3. — Тобольск : ТГПИ, 1993. — С. 43—51.
14. Зоткина, Л. В. Приемы обработки нефрита: результаты экспериментально-трасологического исследования забайкальского сырья Л. В. Зоткина // *Вестник НГУ. Сер. История, филология*. — 2018. — Т. 17, № 3: *Археология и этнография*. — С. 22—31.
15. Калинина, И. В. Веревоочный орнамент в неолите (о соотношении понятий археологическая культура и технологическая традиция) / И. В. Калинина // *Тверской археологический сборник*. — Т. 1. — Тверь : Тверская обл. тип., 2000. — С. 263—268.
16. Калинина, И. В. Зубчатые орнаменты сахтышских стоянок (опыт экспериментального исследования) / И. В. Калинина, Е. Л. Костылева, А. В. Уткин // *Тверской археологический сборник*. — Вып. 11. *Материалы 18—20 заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности»*. — Тверь : Триада, 2018. — С. 296—311.
17. Калинина, И. В. Использование челюстей животных для орнаментации древней керамики / И. В. Калинина, Е. А. Устинова // *РА*. — 1995. — № 2. — С. 69—83.
18. Калинина, И. В. Семантика и технология древних орнаментов / И. В. Калинина // *Тверской археологический сборник*. — Вып. 3. — Тверь, 1998. — С. 116—123.
19. Карманов, В. Н. Неолит европейского Северо-Востока / В. Н. Карманов. — Сыктывкар : Коми научный центр УрО РАН, 2008. — 226 с.
20. Клементьева, Т. Ю. Технология орнаментации посуды позднего неолита поселения Большая Умытъя 100 / Т. Ю. Клементьева, А. А. Погодин // *Археология и история Северо-Западной Сибири*. — Нефтеюганск ; Екатеринбург : Уральский рабочий, 2017. — С. 20—49.
21. Кошкаров, С. Ф. Памятник бронзового века в окрестностях д. Сайгатино / С. Ф. Кошкаров, Ю. П. Чемакин // *Древние погребения Обь-Иртышья*. — Омск : Изд-во ОмГУ, 1991. — С. 43—52.
22. Косинская, Л. Л. Неолитическая стоянка Кочмас на нижней Вычегде / Л. Л. Косинская // *Неолитические памятники Урала — Свердловск : УрО АН СССР*, 1991. — С. 4—20.
23. Костылева, Е. Л. Гребенчатые штампы сахтышских стоянок (условия нахождения и каталог) / Е. Л. Костылева, А. В. Уткин, И. В. Калинина // *Тверской археологический сборник*. — Вып. 11. *Материалы 18—20 заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности»*. — Тверь : Триада, 2018. — С. 276—295.
24. Костылева, Е. Л. Неолитические скульптурные орнаменты с Сахтышских стоянок / Е. Л. Костылева, А. В. Уткин // *Вестник Ивановского государственного университета*. — 2012. — № 4. — С. 5—8.
25. Крижевская, Л. Я. Неолит Южного Урала / Л. Я. Крижевская. — Ленинград : Наука, 1968. — 184 с.
26. Куличков, А. А. Искусственные орнаменты на памятниках неолита-бронзы лесостепного Подонья / А. А. Куличков, Р. В. Смольянинов // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. — 2015. — Т. 17, № 3. — С. 242—246.
27. Кэрчумару, М. Резная каменная подвеска из Пояна Чирешулуй-Пятра Няма, Румыния. Новые данные о символическом поведении человека граветтского периода / М. Кэрчумару, Е.-К. Ниццу, О. Чирстина, Н. Гута // *Археология, этнография и антропологии Евразии*. — 2016. — Т. 44, № 4. — С. 35—45.
28. Лобанова, Н. В. Орнаментальные штампы неолитических поселений восточного берега Онежского озера / Н. В. Лобанова // *Вестник Карельского краеведческого музея*. — Вып. 2. — Петрозаводск, 1994. — С. 13—16.
29. Матюшин, Г. Н. Энеолит Южного Урала / Г. Н. Матюшин. — Москва : Наука, 1982. — 328 с.
30. Недомолкина, Н. Г. Гребенчатые штампы поселения Векса / Н. Г. Недомолкина // *Вестник Карельского краеведческого музея*. — Вып. 3. — Петрозаводск, 1995. — С. 118—122.
31. Панина, С. Н. Гребенчатый комплекс керамики эпохи энеолита Усть-Вагильского холма / С. Н. Панина // *Шестые Берсовские чтения : сб. ст. Всероссийской археолог. науч.-практ. конф.* — Екатеринбург : КВАДРАТ, 2011. — С. 91—97.
32. Подзюбан, Е. В. Новое открытие на реке Тургай / Е. В. Подзюбан, А. В. Колбина // *XVII Уральское археологическое совещание : материалы научн. конф.* — Екатеринбург ; Сургут : Магеллан, 2007. — С. 110—112.
33. Петрова, Н. Ю. Реконструкция волосовских гребенчатых и рамчатых орнаментов (по материалам поселения Великодворье I) / Н. Ю. Петрова // *Образы времени: из истории древнего искусства. К 80-летию С. В. Студзицкой*. — Вып. 189. — Москва, 2012. — С. 51—56.
34. Романовская, М. А. Керамический штамп из окрестностей с. Рудь / М. А. Романовская // *СА*. — 1980. — № 1. — С. 290—293.
35. Сладкова, Л. Н. Лозьвинская культура поздней бронзы таежного Зауралья — Западной Сибири / Л. Н. Сладкова // *XVII Уральское археологическое совещание : материалы научн. конф.* — Екатеринбург ; Сургут : Магеллан, 2007. — С. 164—167.
36. Сериков, Ю. Б. Использование фрагментов керамики в хозяйстве и ритуале / Ю. Б. Сериков // *Тверской археологический сборник*. — Вып. 8. — Т. 1. *Тверская земля и сопредельные территории в древности : материалы IV Тверской археолог. конф. и 12-го заседания науч.-метод. семинара*. — Тверь : Триада, 2011. — С. 296—316.
37. Сериков, Ю. Б. Шайтанское озеро — священное озеро древности / Ю. Б. Сериков. — Нижний Тагил : НТГСПА, 2013. — 408 с.
38. Сидоров, В. В. Орнаменты и орнаменты львовской керамики / В. В. Сидоров // *Тверской археологический сборник*. — Вып. 8. — Т. 1. *Тверская земля и сопредельные территории в древности : материалы IV Тверской археолог. конф. и 12-го заседания науч.-метод. семинара*. — Тверь : Триада, 2011. — С. 202—208.
39. Стефанов, В. И. Энеолитический комплекс селища Нёх-Урий 3.2 в бассейне р. Аган / В. И. Стефанов, Л. Л. Косинская, Л. В. Карачарова // *Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого*. — Вып. 12. — Томск ; Ханты-Мансийск : Изд-во Томского ун-та, 2014. — 422 с.
40. Чаиркина, Н. М. Энеолит Среднего Зауралья / Н. М. Чаиркина. — Екатеринбург : УрО РАН, 2005. — 312 с.
41. Шахнович, М. М. Находки неолитических орнаментальных штампов на территории Карелии / М. М. Шахнович // *Вестник Карельского краеведческого музея*. — Вып. 3. — Петрозаводск, 1995. — С. 80—87.
42. Шорин, А. Ф. Энеолитические комплексы I Береговой стоянки Горбуновского торфяника (по раскопкам 1989—1990 гг.) / А. Ф. Шорин // *Охранные археологические исследования на Среднем Урале*. — Вып. 1. — Екатеринбург : Екатеринбург, 1997. — С. 49—61.

СЕРИКОВ Юрий Борисович, доктор ист. наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал в Нижнем Тагиле). Нижний Тагил, Российская Федерация. E-mail: u.b.serikov@mail.ru

Поступила в редакцию 26 февраля 2020 г.

DOI: 10.14529/ssh200209

TOOTHED STAMPS OF THE URALS AND SOME ASPECTS OF THEIR USE

Yu. B. Serikov, u.b.serikov@mail.ru,
Russian State Professional Pedagogical University, Branch in Nizhny Tagil, Nizhny Tagil,
Russian Federation

Stamps are a fairly rare group of finds. But as tools for the spraying ornament on ceramic vessels they always interested and continue to interest archaeologists. Most often reconstructed technology of application of ornament on vessels, which are sometimes supported by materials of experimental modeling of ornament.

In the literature there is no consensus about the nature of the use of toothed stamps. There are no clear criteria for the difference between a stamp with a hole and a pendant with a serrated edge. It is not clear what the findings of 50% of the stamps on the sanctuaries are connected with. There is no reliable data on the repeated use of one stamp for ornamentation of different vessels. Also, many researchers note that it is almost impossible to establish the connection of the stamp with a specific vessel. There is no logical correlation between hundreds of toothed stamps and tens of thousands of ceramic vessels on the archaeological sites of the Urals. The predominance of polished stone stamps remains unclear, although their grinding is not dictated by production necessity. Many questions are raised by the analysis of metric indicators of toothed stamps: what could have ornament stamps with the tines of a width of 0,4—0,7 cm. There are no impressions of this width on the vessels.

Unfortunately, the stamps almost not been investigated by professional tracers. The author's trachological analysis of 26 tooth stamps from the collections of the N. Tagil Museum showed, that in most cases stamps were used to process the skin, sometimes were used as actually stamps, spatulas, polishes and even original files.

Keywords: Ural, Neolithic, Eneolithic, Bronze Age, sanctuary, settlement, comb stamp, scalloped edge pendant, metric indicators, trachological analysis.

References

1. Aleksashenko N. A. Izdeliia iz kosti i roga Tumanskogo I selishcha [Products from bones and horns of the Tumansky I settlement]. Okhrannye arkhеologicheskie issledovaniia na Srednem Urале [Safeguard archeological research on Middle Ural]. Vyp. 3. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 1999, pp. 153—166.
2. Aleksashenko N. A., Koksharov S. F., Morozov V. M. Niziamy VIII — poselenie bronzovogo veka v Nizhnem Priob'e [Nizami VIII — settlement of the bronze age in the Lower Ob region]. Vestnik ugrovedeniia [Bulletin of Ugric studies] 2017, no. 3 (30), pp. 99—118.
3. Arefev V. A., Ryzhkova O. V. Issledovanie VI Beregovoi stoiianki na Gorbunovskom torfianike v 1989—1991 gg. [Research of VI Coastal Site on Gorbunovsky peatland in 1989-1991.]. Drevnosti Gorbunovskogo torfianika. Okhrannye arkhеologicheskie issledovaniia na Srednem Urале [Safeguard archeological research on Middle Ural]. Vyp. 6. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 2010, pp. 76—112.
4. Bers E. M. Arkheologicheskie pamiatniki Sverdlovskа i ego okrestnostei [Archaeological sites of Sverdlovsk and its environs]. Sverdlovsk: Sverdlovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963, 116 p.
5. Vasil'ev E. A. Pogrebal'nye komplekсы Iasunskogo озера [Burial complexes of Iasunskoie lake]. Materialy i issledovaniia kul'turno-istoricheskikh problem narodov Sibiri [Data and research culture-historical problems of Siberian peoples]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-tа, 1996, pp. 36—46.
6. Viktorova V. D. Tumanskoe I poselenie, sviatilishche, kostishche [Tumanskoie I settlement, sanctuary, chastise]. Okhrannye arkhеologicheskie issledovaniia na Srednem Urале [Safeguard archeological research on Middle Ural]. Vyp. 3. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 1999, pp. 126—153.
7. Volkova E. V. Keramika Volosovo-Danilovskogo mogil'nika fat'ianovskoi kul'tury kak istoricheskii istochnik []. Moskva: Staryi sad, 1998, 260 p.
8. Demeshchenko S. A. Drevneishie podveski i busy epokhi paleolita [The most ancient Paleolithic beading and pendants]. Arkheologicheskii sbornik [Archaeological collection]. Vyp. 37. St.Peterburg: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2005, pp. 7—25.
9. Denisov V. P. Khutorskaia neoliticheskаia stoiianka [Neolithic site Khutorskaia]. Trudy Kamskoi arkhеologicheskoi ekspeditsii [Proceedings of the Kama archaeological expedition]. Vyp. III. Perm', 1960, pp. 34—71.
10. Dmitriev P. A. Raskopki stoiianki Kalmatskii Brod на r. Iseti [Excavations of settlement Kalmatskiy Brod on the river Iset]. Sverdlovsk, 1934, 24 p.
11. Dubovtseva E. N. Ornamentiry dlia keramiki poseleniia Bystryi Kul'egan 66 [Ornamentaries for ceramics of settlement Bystryi Culligan 66]. Uchenye zapiski Nizhnetagil'skoi gosudarstvennoi sotsial'no-pedagogicheskoi akademii. Obshchestvennye

nauki [Scientific notes of the Nizhny Tagil state socio-pedagogical Academy. Social science]. Nizhniy Tagil: NTGSPA, 2007, pp. 43—50.

12. Dubovtseva E. N. Evoliutsiia orudii dlia grebenchatoi ornamentatsii keramiki Urala i Zapadnoi Sibiri v neolite i bronzovom veke [Evolution of tools for comb ornamentation of ceramics of Ural and Western Siberia in Neolithic and Bronze age]. *Arkheologiya i istoriya Severo-Zapadnoi Sibiri* [Archaeology and History of the North-West Siberia]. Nefteugansk — Ekaterinburg: Ural'skii rabochii, 2017, pp. 4—19.

13. Zakhzhaia T. M. Ornamentiry i tekhnologiya naneseniia uzorov na posude poseleniia Chilimka III [Ornamentaries and technology of applying patterns on the dishes of Chilimka III settlement]. *Eksperimental'naya arkheologiya: Izvestiya laboratorii eksperimental'noi arkheologii Tobol'skogo pedinstituta* [Experimental archaeology: proceedings of the laboratory of experimental archaeology of Tobolsk pedagogical Institute]. Vyp. 3. Tobol'sk: TGPI, 1993, pp. 43—51.

14. Zotkina L. V. Priemy obrabotki nefrita: rezul'taty eksperimental'no-trasologicheskogo issledovaniia zabaikal'skogo syr'ia [Methods of treating nephritis: the results of the experimental-traceological study of the Trans-Baikal raw materials] *Vestnik NGU. Seriya: Istorii, filologiya*, 2018, vol. 17, no. 3, pp. 22—31.

15. Kalinina I. V. Verevochnyi ornament v neolite (o sootnoshenii poniatii arkheologicheskaya kul'tura i tekhnologicheskaya traditsiya) [Rope ornament in the Neolithic (on the relationship between the concepts of archaeological culture and technological tradition)]. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik* [Tver archaeological collection]. Vol. I. Tver': Tverskaia oblastnaia tipografiya, 2000, pp. 263—268.

16. Kalinina I. V., Kostyleva E. L., Utkin A. V. Zubchatye ornamentiry sakhtyshskikh stoianok (opyt eksperimental'nogo issledovaniia) [Jagged ornamentaries of Sakhtysh sites (experimental research experience)]. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik*. Vyp. 11. Materialy 18-go—20-go zasedanii nauchno-metodicheskogo seminar'a «Tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v drevnosti» [Tver archaeological collection. Iss. 11. The materials of the 18th—20th session of the scientific and methodic seminar «Tver land and neighbouring territories in ancient times»]. Tver': Triada, 2018, pp. 296—311.

17. Kalinina I. V., Ustinova E. A. Ispol'zovanie cheliuste zhivotnykh dlia ornamentatsii drevnei keramiki [The use of the jaws of animals for the ornamentation of ancient pottery] *Rossiiskaia arkheologiya* [Russian Archaeology]. 1995, no. 2, pp. 69—83.

18. Kalinina I. V. Semantika i tekhnologiya drevnikh ornamentov [Semantics and technology of ancient ornaments]. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik* [Tverskoi arkheologicheskii sbornik]. Vyp. 3. Tver', 1998, pp. 116—123.

19. Karmanov V. N. Neolit evropeiskogo Severo-Vostoka [Neolithic of European North-East]. Syktyvkar: Komi nauchnyi tsentr UrO RAN, 2008, 226 p.

20. Klement'eva T. Iu., Pogodin A. A. Tekhnologiya ornamentatsii posudy pozdnego neolita poseleniia Bol'shaia Umyt'ia 100 [The technology of ornamentation of late Neolithic dishes on settlement Bol'shaia Umitia 100]. *Arkheologiya i istoriya Severo-Zapadnoi Sibiri* [Archaeology and History of the North-West Siberia]. Nefteugansk — Ekaterinburg: Ural'skii rabochii, 2017, pp. 20—49.

21. Koksharov S. F., Chemiakin Iu. P. Pamiatnik bronzovogo veka v okrestnostiakh d. Saigatino [Bronze age sites in the vicinity of v. Saigatino]. *Drevnie pogrebeniia Ob'-Irtys'ha* [Ancient burial of the Ob'-Irtys'ha region]. Omsk: Izd-vo OmGU, 1991, pp. 43—52.

22. Kosinskaia L. L. Neoliticheskaya stoianka Kochmas na nizhnei Vychege [Neolithic site Kochmas on the lower Vychege]. *Neoliticheskie pamiatniki Urala* [Neolithic sites of the Urals]. Sverdlovsk: UrO AN SSSR, 1991, pp. 4—20.

23. Kostyleva E. L., Utkin A. V., Kalinina I. V. Grebenchatye shtampy sakhtyshskikh stoianok (usloviia nakhozhdeniia i katalog) [Comb stamps of sakhtyshskie sites (conditions of finding and catalogue)]. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik*. Vyp. 11. Materialy 18-go—20-go zasedanii nauchno-metodicheskogo seminar'a «Tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v drevnosti» [Tver archaeological collection. Iss. 11. The materials of the 18th—20th session of the scientific and methodic seminar «Tver land and neighbouring territories in ancient times»]. Tver': Triada, 2018, pp. 276—295.

24. Kostyleva E. L., Utkin A. V. Neoliticheskie skulpturnye ornamentiry s Sakhtyshskikh stoianok [Neolithic sculptural ornamentaries from the Sakhtysh sites]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Ivanovo state University]. 2012, no. 4, pp. 5—8.

25. Krizhevskaia L. Ia. Neolit Iuzhnogo Urala [Neolithic of The Southern Urals]. Leningrad: Nauka, 1968, 184 p.

26. Kulichkov A. A., Smol'ianinov R. V. Iskusstvennye ornamentiry na pamiatnikakh neolita-bronzy lesostepnogo Podon'ia [Artificial ornamentaries on the sites of the Neolithic-bronze forest-steppe along the Don]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Samara scientific center of the Russian Academy of Sciences.]. Vol. 17, no. 3, 2015, pp. 242—246.

27. Kerchumaru M., Nitstu E.-K., Chirstina O., Guta O., N. Reznaia kamennaia podveska iz Poiana Chiresului-Piatra Niamts, Rumyniia. Novye dannye o simbolicheskom povedenii cheloveka gravettskogo perioda [Carved stone pendant from Poiana Chiresului-Piatra Niamts, Romania. New data about symbolic behavior of men of the gravettian period]. *Arkheologiya etnografiia i antropologii Evrazii* [Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia]. Vol. 44, 2016, no. 4, pp. 35—45.

28. Lobanova N. V. Ornamental'nye shtampy neoliticheskikh poselenii vostochnogo berega Onezhskogo ozera [Ornamental stamps of Neolithic settlements on the Eastern shore of lake Onega]. *Vestnik Karelskogo kraevedcheskogo muzeia* [Bulletin of the Karelian Museum of local lore]. Vyp. 2. Petrozavodsk, 1994, pp. 13—16.

29. Matiushin G. N. Eneolit Iuzhnogo Urala [Mesolithic of the Souse Ural]. Moskva: Nauka, 1982, 328 p.

30. Nedomolkina N. G. Grebenchatye shtampy poseleniia Veksa [Comb stamps of Vexa settlement]. *Vestnik Karelskogo kraevedcheskogo muzeia* [Bulletin of the Karelian Museum of local lore]. Vyp. 3. Petrozavodsk, 1995, pp. 118—122.

31. Panina S. N. Grebenchatyi kompleks keramiki epokhi eneolita Ust'-Vagil'skogo kholma [Comb complex of ceramics of the Eneolithic period of Ust'-Vagil'sky hill]. *Shesty Berzovskie chteniia: Sbornik statei Vserossiiskoi arkheologicheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Sixth Berzovska reading: the archaeological Collection of articles all-Russian scientific-practical conference]. Ekaterinburg: Izd-vo KVADRAT, 2011, pp. 91—97.

32. Podziuban E. V., Kolbina A. V. Novoe otkrytie na reke Turgai [New discovery on the river Turgai]. XVII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie. Materialy nauchnoi konferentsii [XVII Ural archaeological meeting. The materials of scientific conference]. Ekaterinburg—Surgut: izd-vo Magellan, 2007, pp. 110—112.

33. Petrova N. Iu. Rekonstruktsiia volosovskikh grebenchatykh i ramchatykh ornamentirov (po materialam poseleniia Velikodvor'e I) [Reconstruction of volosovsky comb and framework ornamenters (according to the materials of settlement Velikodvor'e I)]. *Obrazy vremeni: Iz istorii drevnego iskusstva. K 80-letiiu S. V. Studzitskoi* [Images of time: From the history of ancient art. To the 80th anniversary of S. V. Studzitskaia]. Moskva, 2012, Vyp. 189, pp. 51—56.

34. Romanovskaia M. A. Keramicheskii shtamp iz okrestnosti s. Rud' [Ceramic stamp from the vicinity of v. Rud]. Sovetskaya arkhologiiia [Soviet archeology]. 1980, no. 1, pp. 290—293.
35. Sladkova L. N. Loz'vinskaia kul'tura pozdnei bronzy taezhnogo Zaural'ia — Zapadnoi Sibiri [Lozvin culture of late bronze of taiga Trans-Urals - Western Siberia]. XVII Ural'skoe arkhologicheskoe soveshchanie. Materialy nauchnoi konferentsii [XVII Ural archeological meeting. The materials of scientific conference]. Ekaterinburg—Surgut: izd-vo Magellan, 2007, pp. 164—167.
36. Serikov Iu. B. Ispol'zovanie fragmentov keramiki v khoziaistve i rituale [The use of ceramic fragments in the economy and ritual]. Tverskoi arkhologicheskii sbornik. Vyp. 8. Vol I: Materialy IV Tverskoi arkhologicheskoi konferentsii i 12-ogo zasedaniia nauchno-metodicheskogo seminar «Tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v drevnosti» [Tver archaeological collection. Iss. 8. Vol. 2. The materials of the IVth Tver archaeological conference and the 12th meeting of the scientific and methodic seminar «Tver land and neighbouring territories in ancient times»]. Tver': Triada, 2011, pp. 296—316.
37. Serikov Iu. B. Shaitanskoe ozero — sviashchennoe ozero drevnosti [Shaitanskoje lake — the sacral lake of the Ancient time]. Nizhnii Tagil: NTGSPA, 2013, 408 p.
38. Sidorov V. V. Ornamenty i ornamentiry l'ialovskoi keramiki [Ornaments and ornamentaries of lalovskaia ceramics]. Tverskoi arkhologicheskii sbornik. Vyp. 8. Vol. I: Materialy IV Tverskoi arkhologicheskoi konferentsii i 12-go zasedaniia nauchno-metodicheskogo seminar «Tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v drevnosti» [Tver archaeological collection. Iss. 8. Vol. 2. The materials of the IVth Tver archaeological conference and the 12th meeting of the scientific and methodic seminar «Tver land and neighbouring territories in ancient times»]. Tver': Triada, 2011, pp. 202—208.
39. Stefanov V. I., Kosinskaia L. L., Karacharova L. V. Eneoliticheskii kompleks selishcha Nekh-Urii 3.2 v basseine r. Agan [The Eneolithic complex of the settlement Nekh-Uriy in the Agan river basin]. Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo [Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the mirror of the past]. Vyp. 12. Tomsk; Khanty-Mansiisk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2014, 422 p.
40. Chairkina N. M. Eneolit Srednego Zaural'ia [Eneolithic of the Middle Ural]. Ekaterinburg: UrO RAN, 2005, 312 p.
41. Shakhnovich M. M. Nakhodki neoliticheskikh ornamental'nykh shtampov na territorii Karelii [Finds of the Neolithic ornamental stamps on the territory of Karelia]. Vestnik Karel'skogo kraevedcheskogo muzeia [Bulletin of the Karelian Museum of local lore]. Vyp. 3. Petrozavodsk, 1995, pp. 80—87.
42. Shorin A. F. Eneoliticheskie komplekсы I Beregovoi stoianki Gorbunovskogo torfianika (po raskopkam 1989-1990 gg.) [Eneolithic complexes from I Coastal Site of Gorbunovsky peat (excavations of 1989-1990)]. Okhrannye arkhologicheskie issledovaniia na Srednem Urale [Safeguard archeological research on Middle Ural]. Vyp. 1. Ekaterinburg: Izd-vo Ekaterinburg, 1997, pp. 49—61.

Received February 26, 2020

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Сериков, Ю. Б. Зубчатые штампы Урала и некоторые аспекты их использования / Ю. Б. Сериков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2019. — Т. 20, № 2. — С. 65—79. DOI: 10.14529/ssh200209

FOR CITATION

Serikov Yu. B. Toothed stamps of the Urals and some aspects of their use. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2020, vol. 20, no. 2, pp. 65—79. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh200209
